

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane

Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebarda, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna

Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylvia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA.....	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934).....	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Ксения Дубель
Ягеллонский университет

Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства?

Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия

«Запоздалый». Таким словом украинская литературная критика начала двадцатых годов XX века определила приход Гео Шкурупия в литературу, а точнее, в ее футуристическое русло. Действительно, когда Михайль Семенко, отец украинского футуризма, в 1914 году дебютировал с двумя скандальными кверофутуристическими сборниками: *Дерзання*¹ и *Кверофутуризм*, Шкурупию, родившемуся в 1903 году, было всего лишь 11 лет. В начале двадцатых годов двадцатого века футуристическое ответвление кверо уже изживало себя и приближалось к закономерной трансформации. Поэтому неудивительно, что настороженно относившаяся к футуристам тогдашняя критика не хотела видеть в экспериментальных стихах девятнадцатилетнего Шкурупия ничего, кроме эпигонства и запоздалого эпатажа². Тем не менее, первый сборник стихов поэта, изданный в 1922 году под оригинальным названием *Психетозы*, отличался необыкновенной задумкой и подлинной творческой зрелостью. Следует подчеркнуть, что осознанный и последовательный выбор

¹ Дебютный сборник стихов М. Семенко *Дерзання* открывался первым украинским футуристическим манифестом под заглавием *Сам*. Текст провозглашал появление новой теоретической программы, так называемого кверо – ищущего футуризма. Говоря вкратце, кверофутуризм рассматривает искусство как процесс непрекращающегося поиска и переживаний без возможности их удовлетворения, ставя во главе творческого процесса синтез и далеко идущую теоретизацию. См.: А. Біла, *Футуризм*, Темпора, Київ 2010, с. 45.

² О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуроперерій* [в:] Гео Шкурупій, *Вибрані твори*, ред. О. Пуніної, О. Солов'я, Смолоскип, Київ 2013, с. 34.

сформировавшегося уже на украинской почве футуризма как собственного литературного пути требовал от юного поэта не только смелости (как уже было сказано, как первый, так и второй сборник его стихов, *Барабан*, были приняты критикой крайне отрицательно³), но и основательного изучения главных принципов авангарда, с теорией кверофутуризма во главе. Ведь вошел он в среду уже сформировавшуюся, которой принадлежало создание едва ли не первого целостного теоретического дискурса на почве отечественной литературы⁴. О способности осилить эту задачу говорит уже первый сборник стихов, в котором можно проследить глубокие теоретические познания и выразительные следы творческой независимости, начиная с открывающего книгу переосмысления визуальной поэзии и заканчивая особенным, если можно так выразиться, футуристическим психологизмом. Намеченные поэтом схемы уже тогда вписывались в канон панфутуризма – главенствующей теоретической платформы зрелого периода украинского футуризма. Ведь не без оснований в сегодняшнем литературном дискурсе Шкурупия, самопровозглашенного в *Психетозах* «короля футуруперий», называют не учеником Семенко и даже не вторым после него, а творцом, равным ему по таланту и творческой самобытности⁵.

Хотя Шкурупий, дебютировавший как прилежный ученик авангарда, не был столь отягощен пагубным для футуриста «бременем» модернизма и символизма, то проанализировав ранние стихотворения поэта можно прийти к выводу, что лиризм и психологизм, обусловленные, правда, характерным влиянием Семенко, все-таки в его строках звучат отчетливо. Самым выразительным тому примером можно считать малоизвестную поэму *Ненюфары*, посвященную будущей жене поэта, Варваре Базас. Произведение было опубликовано в Харькове, в сборнике *Жовтень* 1921 года под редакцией Миколы Хвылевого, Владимира Сосюры и Майка Йогансена⁶. Его значение для более детального анализа поэтического мира Шкурупия кажется едва ли не решающим, хотя поэма, опубликованная раз, нигде больше потом не

³ О. Ільницький, *Український футуризм 1914-1930*, пер. Р. Тхорук, Літопис, Львів 2003, с. 297.

⁴ В манифесте *Сам*, описывая творческий процесс, Семенко особое место отводит теории, которая, по его мнению, должна опережать практику. Столь сильное стремление знаменательно, поскольку в украинской литературной практике того времени почти отсутствует национальный теоретический дискурс. См.: А. Біла, *Футуризм...*, с. 46.

⁵ О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуруперій*, с. 35.

⁶ Там же, с. 9.

переиздавалась⁷. Уже одно место ее печати знаменательно. Сборник, опубликованный по случаю годовщины великой пролетарской революции, открывался *Нашим универсалом*, подписанным тремя редакторами, и был призван начать новую украинскую литературу. Среди ее «основоположников», на двадцатой странице, свою поэму печатает и Шкурупий⁸. Примечательно, что доминантой композиции произведения становится амбивалентность, которая позже, как следует предполагать, станет также центром внутреннего напряжения *Психетоз*. Как замечает Юрий Ковалив, поэма строится на двойственности авторского сознания, тяготеющего как к прошлому, так и к настоящему⁹. Это характерное колебание между жизнью и смертью, холодом и страстью, резкостью и изысканностью выражается также в самой форме поэмы – с одной стороны свободный стих, штамповые фразы, вроде «красный террор» или «человеческие массы», истинно семеновские неологизмы («опташились», «омолени»), с другой же – непреодолимые реминисценции импрессионистских лилий Клода Моне и символизма в духе Поля Верлена¹⁰. Складывается впечатление, что, хотя поэтический голос Шкурупия со временем окреп, избавившись от прежней меланхоличности, все же лирический субъект его ранних стихов упорно балансирует между позицией дерзкого футуриста-новатора (личности нового революционного пространства) и тонкого исследователя человеческих чувств (внутреннего пространства личности).

Перед тем, как начать анализ конкретных произведений, следует обратить особое внимание на проблему формальной оболочки текстов поэта, погруженной, как уже замечалось, в определенный литературный дискурс. Шкурупий появился на литературной сцене, когда украинский футуризм входил в свою вторую, зрелую фазу. Первым групповым приютом для поэта стала основанная в 1921 году киевская организация «Комкосмос», членами которой являлись, в частности, Олекса Слисаренко и Микола Терещенко¹¹. Организация просуществовала недолго – всего десять дней, но, как оказалось, ее дальнейшие модификации имели принципиальное значение¹².

⁷ Я. Цимбал, *Шкурупій від А до Я*, „Український тиждень” 2018, 2 июня, [в:] <https://tyzhden.ua/Culture/214811> (21.08.2021).

⁸ Там же.

⁹ Ю. Ковалів, *Гео Шкурупій*, „Слово і час” 2019, № 4, с. 38-39, [в:] <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/170806> (22.08.2021).

¹⁰ О. Ільницький, *Український футуризм 1914-1930*, с. 302.

¹¹ О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуроперерій*, с. 8.

¹² Г. Черныш дату распада организации «Комкосмос» и создания группы «Аспанфут» (1921) считает началом панфутуризма как теоретического направления. Следует заметить,

Среди основателей группы не было Семенко, который в то время пытался возобновить коллективную деятельность футуристов в Харькове¹³. С его появлением в Киеве на основе распустившегося кружка создается новый, мощный центр футуристического творчества – организация «Аспанфут» («Ассоциация панфутуристов», 1921-1924)¹⁴. Молодой Шкурупий, с 1920 года печатавшийся уже, в частности, в сборнике Валерьяна Полищука *Гро-но* и екатеринославском альманахе *Вир революції*, становится активным членом новообразованной организации. В созданном группой независимом издательстве «Гольфштром» Шкурупий издает также два своих дебютных сборника уже сугубо футуристической лирики¹⁵. Приверженность поэта идеалам рождающегося панфутуризма очевидна, поэтому обзор, хотя бы в общих чертах, главных постулатов концепции в контексте данной статьи кажется обязательным.

Сразу после учреждения издательства аспанфутовцы сделали акцент на твердые теоретические основы, которые излагались в альманахе *Семафор у Майбутнє* и журнале *Катафалк искусства*. Там, продолжая наметенный кверофутуризмом путь, Семенко и Шкурупий предвещали падение великого искусства, которое, бесконечно дифференцируя на мелкие -измы, изживает себя. Что интересно, началом этого процесса считалось переосмысление формального элемента в произведении, т.е. момент его превращения из служебного инструмента в субъект¹⁶. Другими словами, именно модернизм, принеший стремительный рост количества мелких течений, нацеленных на возвышение отдельных формальных признаков, стал предвестником абсолютного распада старого искусства. В 1923 году панфутуризм был подвергнут детальному пересмотру, результатом чего стало его расширение путем создания «теории культов» и входящих в нее других терминологических новшеств: «идеологии» и «фактуры»¹⁷. Культи в своей сущности являлись своеобразными сверхсистемами (напр. религия, поли-

что момент его зарождения толкуется исследователями по-разному: если О. Ильницький предлагает довольно расплывчатые временны рамки, то Анна Била определяет точную, но все же отличающуюся от предлагаемой Г. Черниш дату 1922 года. См.: С. Холодинська, Олег Ильницький як інтерпретатор українського футуризму: «за» і «проти» теоретичної моделі, „Вісник ЛНАМ. Серія: Культурологія” 2016, № 29, с. 165.

¹³ Г. Черниш, *До історії українського футуризму* [в:] *Futuryzm na Ukrainie. Manifesty i teksty literackie*, pod red. B. Nazaruka, Warszawa 1995, с. 63-64.

¹⁴ О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуроперрій*, с. 8.

¹⁵ Там же, с. 8-9.

¹⁶ О. Ильницький, *Український футуризм 1914-1930*, с. 226.

¹⁷ Там же, с. 228-229.

тика, искусство), в рамках которых непрерывно и параллельно наблюдались процессы деструкции и конструкции¹⁸. Термины фактуры и идеологии были, в свою очередь, сроднены с понятиями формы и содержания и возникли, как следует предполагать, на фоне тогдашних дискуссий в среде русских формалистов. Семенко, как основоположник концепции, не считал дихотомию формы и содержания адекватной для создания крепких теоретических основ и предлагал расширить эти понятия. Так, в его понимании идеология была тем, что идентично философии эпохи, что зависит от множества внешних факторов (социальных, экономических, географических). Она же, по словам другого исследователя, Алексея Полторацкого, придает произведению искусства определенный «тонус»¹⁹. Фактура же была совокупным понятием, совмещающим материал, форму и содержание. Эти три составляющих рассматривались как относительные элементы, зависящие от культа (напр. слово в поэзии, краска в живописи, звук в музыке). Сама же синтетическая по своей природе фактура считалась понятием абсолютным, частные проявления которого обеспечивали уникальность произведения²⁰. Создав концептуальные основы, панфутуристы предложили конкретные действия – деструкцию (отдельных подсистем, напр. поэзии, вплоть до малейших единиц, атомов; а также границ между подсистемами путем деструкции их фактур), а затем конструкцию (реинтеграцию) по новым принципам. Отсюда и возникновение «сплавленных» жанров, как, напр. семеновские поэзоживопись и поэзофильмы или *Фрагментарні малюнки, виконані віршами та прозою* Шкурупия.

Поскольку приверженность Шкурупия панфутуристической идее формальных экспериментов как в поэзии, так и в прозе очевидна, весьма уместным кажется применение в ходе дальнейшей работы приведенного выше понятийного аппарата. Тем более, что сборник *Психетозы* был как раз сплавом поэзии и графического оформления, рекламных лозунгов и производственных мотивов – то есть типичным примером тогдашней футуристической практики. В книге помещены четыре иллюстрации-плаката, изображающих разные механические устройства, сопровождаемые ироническими слогами на разных языках. Подзаголовок сборника, *Вітрина третя*, а также помещенное на задней обложке предупреждение: «Бережіться підробок» («Берегитесь подделок») намекают на продукцию и рекламу «словесного

¹⁸ Более подробно см.: Там же, с. 231.

¹⁹ Там же, с. 233.

²⁰ Там же, с. 234-235.

товара»²¹. Однако уже здесь, на уровне оформления, скрывается утаенный дуализм – ведь предлагаемые сборником «товары» отнюдь не материальные, а «психологические». На это указывает уже одно название. Оригинальный неологизм отсылает не только к греческому слову «psyche» (душа), но и к психологическим расстройствам (психоз)²², что уже подсознательно внушает читателю нацеленность на своеобразную терапию – психоанализ. И хотя современной критикой Шкурупий воспринимается зачастую как поэт, всячески избегающий лирического самоанализа, то уже открывающий книгу текст приводит на ум именно изысканную интроспекцию. Это стихотворение можно считать также вступлением к данному ракурсу анализа избранных произведений поэта, так как в нем, как кажется, сталкиваются два противоположных начала – понимание пространства как географического простора и как внутреннего мира человека. Речь идет о тексте *Avtoportret*, написанном латиницей и отличающимся оригинальным графическим оформлением²³:

geo O ge
 ego
 geo Wkurupij
 geometr i
 ja
 geograf i
 ja
 geo
 log i ja ego
 evropA frika
 siA
 merik AvstraliA
 geo O ge ego
 Geo Wkurupij
 AVTOPORTRET²⁴

²¹ Там же, с. 298-299.

²² Ю. Ковалів, *Гео Шкурупій*, с. 39.

²³ Следует отметить, что оригинальный текст был записан с двумя непропорционально увеличенными прописными буквами А, расчленяющими девятую, десятую и одиннадцатую строки. См.: О. Ільницький, *Український футуризм 1914-1930*, с. 300.

²⁴ Г. Шкурупій, *Avtoportret* [в:] Гео Шкурупій, *Вибрані твори*, с. 57.

Произведение отсылает непосредственно к стихотворению авторства Михайля Семенко, написанному в 1914 году и изданному в сборнике *Держання*. Текст Семенко представляется как единый, разложенный на восемь строк повтор имени и фамилии поэта, эвфонический параллелизм, окрашенный множественными инверсиями, аллитерациями, достаточно неточными анафорами и эпифорами. Этот известный прообраз написанного восемь лет спустя автопортрета Шкурупия сильно повлиял на интерпретацию последнего. Ведь стихотворение начинающего футуриста расценивалось как «на десять літ запізнала епатація»²⁵, имитирующая Семенко. На самом же деле «второй» автопортрет следует рассматривать не как акт подражания, а переосмысление намеченной Семенко конвенции. Можно согласиться с мнением Олега Ильницького о том, что в случае обоих автопортретов следует говорить о поиске самого себя, разборе своей сущности на части и разглядывании ее с нескольких перспектив одновременно, наподобие кубистического полотна. В обоих случаях также, особенно у Семенко, поиски неожиданно приводят к целостному осмыслению собственного «я»²⁶. Однако у Шкурупия постижение внутреннего пространства личности контрастно сочетается с овладением личностью пространством планеты. Следуя намеченной выше терминологии, каждый элемент «фактуры» этого текста неслучаен, каждый несет определенное значение и выводит формулу автопортрета на более высокий уровень. Начиная с латинской транскрипции, почерпнутой из учредившего ее *Семафора у Майбутнє*²⁷, которая должна была подчеркивать глобальность замысла и очевидно перекликаться с главным проектом раннего «Аспанфута», в произведении постепенно разворачивается все более масштабный образ могущественного «эго». Выдвинутая вне строк буква А, первая буква алфавита и начальная буква заглавия, может расцениваться не только как ссылка на поэзоживопись, но и как символ первенства в экспансии «футуруперий», королем которых нарек себя поэт на обложке сборника. Выдвигая на первый план свое имя, поэт двусмысленно обыгрывает тему земли, ее физического пространства, в качестве ассонансной рифмы используя повторение морфемы «гео». Настойчиво акцентируя в бесконечных вариантах повторов гласный О, Шкурупий создает впечатление ускоренного вращения земного шара и, в результате стремительного движения,

²⁵ Цит. по: О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуруперій*, с. 33.

²⁶ О. Ільницький, *Український футуризм 1914-1930*, с. 301.

²⁷ О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуруперій*, с. 38.

сплава всех континентов под общим знаменателем – «А»²⁸. В отличие от Семенко, Шкурупий в своем автопортрете, как кажется, заключает все важнейшие концепты футуризма: машину, прогресс, экзотику²⁹. При этом постоянное акцентирование собственного «я», метафорически преодолевающего внешние границы континентов, можно толковать также как своеобразную трансгрессию – преступление внутренних черт между тем, что возможно и невозможно, освоено и дико. И хотя в первом сборнике особо ярких примеров похожего внутреннего раздвоения не так уж много, то предлагаемое толкование позволяет сместить ракурс анализа таких стихотворений, как *В натовні* или двух произведений из сборника *Барабан* под заглавием *Голод* и *Семафоры*. Все три текста, как кажется, отчетливо резонируют с намеченным в *Психетозах*, едва ощутимым внутренним диссонансом между «идеологией», отсылающей к конкретным «здоровым» агитационным образам – толпа рабочих (*В натовні*), великая революция (*Семафоры*), – и «фактурой», последовательно реализующей мотивы раздвоенной, «больной» личности (лирический субъект, выступающий от первого лица, развертывает ужасающие образы изнасилования (*В натовні*), смерти от голода (*Голод*), кровавых расправ (*Семафоры*), посредственно позиционируя себя как исполнителя или наблюдателя этих злодеяний). Таким образом *Психетозы*, а в особенности раскрывающий книгу *Автопортрет*, становятся своеобразным прологом к лирике поэта (главную часть творческого наследия Шкурупия составляла все-таки проза). Это обстоятельство, откликаясь эхом в современной литературе, позволяет провести интересные аналогии. Сама концепция литературного автопортрета, реализуемая на материале прозы, превращается в особый вид повествования – «вхождение втора в собственный текст на правах персонажа»³⁰. Это приводит к существенному смещению перспективы: выбирая «автопортретный» способ повествования, автор подменяет внешнюю реальность внутренней³¹, и теперь уже все, что им представлено, обозначено печатью его «я». И хотя данная характеристика касается современной литературы, то все-таки присущая автопортрету экспозиция личности заложена, как кажется, уже в самой сути жанра.

²⁸ Ю. Ковалів, *Гео Шкурупій*, с. 39.

²⁹ О. Пуніна, О. Соловей, *Гео Шкурупій, король футуроперій*, с. 38.

³⁰ И. Романов, *Поэтика транзита и основные повествовательные типы в литературе конца XX-начала XXI в.*, „Вестник Бурятского государственного университета” 2011, № 10, с. 178.

³¹ Там же.

Семантические признаки, содержащиеся в названии и оформлении книги, а также намеченные открывающим ее *Avtoportretom*, опосредованно сказываются также на других стихотворениях в сборнике. Упомянутое расслоение между внешним и внутренним пространствами раскрывается в более глобальных масштабах при сопоставлении стихотворений, изображающих, с одной стороны, рельефные очертания атрибутов города, техники и науки, представленных в манере кубизма (*Я, Телеграфую, Геометрия, Трапи, Виробництво*) и являющихся своеобразным психоанализом предельных, иногда патологических, эмоциональных состояний (*Гнів, Божевілья, Заздрість, Сум, Одчай*). Таким образом, учитывая все характерные для течения формальные признаки (множественные неологизмы, своеобразная «заумь», свободный стих, эллиптичность синтаксиса), в ранних поэтических экспериментах Шкурупия можно обнаружить элементы уникального футуристического психологизма, просвечивающегося сквозь развернутую образность неодушевленного мирового простора.

Бібліографія

- Біла А., *Футуризм*, Темпора, Київ 2010.
- Ільницький О., *Український футуризм 1914-1930*, пер. Р. Тхорук, Літопис, Львів 2003.
- Ковалів Ю., *Гео Шкурупій*, „Слово і час” 2019, № 4, [в:] <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/170806>.
- Романов И., *Поэтика транзита и основные повествовательные типы в литературе конца XX-начала XXI в.*, „Вестник Бурятского государственного университета” 2011, № 10.
- Холодинська С., Олег Ільницький як інтерпретатор українського футуризму: «за» і «проти» теоретичної моделі, „Вісник ЛНАМ. Серія: Культурологія” 2016, № 29.
- Цимбал Я., *Шкурупій від А до Я*, „Український тиждень” 2018, 2 июня, [в:] <https://tyzhden.ua/Culture/214811>.
- Черниш Г., *До історії українського футуризму* [в:] *Futuryzm na Ukrainie. Manifesty i teksty literackie*, ред. В. Nazaruk, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 1995.
- Шкурупій Г., *Вибрані твори*, ред. О. Пуніної, О. Солов'я, Смолоскип, Київ 2013, *Вибрані твори*.

ABSTRACT

Ego – Geo: Space of Personality or Personality of Space? Notes on the Early Poems of Geo Shkurupiy

The article deals with the analysis of the selected poems of Ukrainian futurist Geo Shkurupiy from the poet's debut book entitled *Psychetozy*. The aim of the study is to show that in his poems there is coexistence of physical space, regarding typically futuristic images of a city, continent or planet, and inner space, referring to the mental, often pathological states of a man. The article also briefly introduces the main points of panfuturism, a local branch of the movement, co-created and consistently promoted by the poet.

Keywords: panfuturism, Geo Shkurupiy, futuristic poetry, ukrainian futurism

Ключевые слова: панфутуризм, Гео Шкурупий, футуристическая поэзия, украинский футуризм

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademiczne między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

